СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.
Несколько предварительных замечаний 7

Иларион 19
Кто такой Иларион 21
«Слово о законе и благодати» 29
Поиски смысла «Слова о законе и благодати» 34
Конец света и «Слово о законе и благодати» 45

Первые древнерусские летописцы 63
Первые летописи 63
Зачем писали первые летописи 73
Кто такие первые летописцы 77
Ключи к пониманию смыслов 92
Главные идеи первых древнерусских летописей 98

Владимир Мономах 117
Кто такой Владимир Мономах 117
Произведения Владимира Мономаха 119
Источники «Поучения» 121
Место «Поучения» в «Повести временных лет» 124
«Поучение детям» 128
«Роспись путей и ловов» 137
Письмо Олегу Святославичу 141

Кирик Новгородец 163
Кто такой Кирик 164
Источники «Учения» 168
«Учение» 170
О чем умолчал Кирик? 177
«Вопрошание» 194

Даниил Заточник 203
Кто такой Даниил Заточник 205
Источники «Послания» 211
Ключ к пониманию «Послания» 214
Счастье Даниила Заточника 239

Серапион Владимирский 256
Кто такой Серапион 256
«Слова» и «Поучения» Серапиона Владимирского . . . 258
Серапион о причинах нашествия 263
Что делать? 275

Афанасий Никитин 287
Кто такой Афанасий Никитин 287
«Хожение за три моря» 294
Загадки Афанасия Никитина 303

Старец Филофей 329
Кто такой Филофей 329
Можно ли «дописать» биографию Филофея? 336
Произведения Филофея 342
Астрономия и астрология 345
Вера христианская 358
Третий Рим 361
Судьба «теории Филофея» 370

Иван Пересветов 381
Кто такой Иван Пересветов 381
Сочинения Ивана Пересветова 384
Холоп-реформатор? 408
«Богу сердечная радость» 415

«Взрастают под чужими именами...»
Вместо заключения 432

Краткая библиография 461

Вместо предисловия. НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

Когда речь заходит об истории — в том числе об истории древней Руси, — обычно начинают вспоминать правителей, военачальников, войны, сражения, победы и поражения. Кроме того, историки рассуждают об экономике, политике, социальной структуре, государственном строе. Реже речь заходит о культуре. И уж совсем редко появляются работы, в которых изучается, так сказать, субъективная составляющая исторических событий и процессов: то, как люди воспринимали происходящее и почему они поступали так, а не иначе. Хотя в последнее время к этой теме обращаются все чаще. Сравнительно недавно появилось даже новое модное направление исторических исследований: так называемая *интеллектуальная история*, или *история идей*. Речь идет об изучении истории человеческой мысли и *интеллектуалов* — людей, которые формулируют идеи и предлагают пути, позволяющие улучшить жизнь общества. Впрочем, практически любое письменное изложение каких-то мыслей может стать предметом изучения интеллектуальной истории.

За последнее столетие мы привыкли думать (как нас и учили), что «бытие определяет сознание». Однако мысли, особенно высказанные авторитетными

личностями, хоть и кажутся чем-то эфемерным, на самом деле могут обладать колоссальной силой. Воплощенные в жизнь, они сами могут существенно изменять — и изменяют, как мы постоянно убеждаемся на собственном опыте, — это самое бытие.

Допетровская или, как ее еще называют, *древняя Русь** — время зарождения, становления и развития более или менее определенной системы идей и взглядов, которые заложили основы государственной идеологии и общественных настроений в Российской империи, советской и постсоветской России. За последнее столетие вышло немало работ, в которых рассматривались разные аспекты истории общественной мысли XI–XVII веков (список основных обобщающих работ прилагается). Внимание их авторов в подавляющем большинстве случаев было сосредоточено на важнейших комплексах проблем, которые так или иначе обсуждались обществом допетровской Руси: представлениям о том, как устроен мир, в котором жил человек того времени, как этот человек представлял свое место в этом мире и как следует жить в этом мире, чтобы максимально соответствовать ему, не нанося вреда себе и окружающей «реальности»; правилам ведения домашнего хозяйства; проблемам государственной идеологии и легитимности светского правителя; отношениям светской и духовной властей и, наконец, проблемам отношений человека и власти.

* Не путать с Древней, или Киевской, Русью — Древнерусским государством.

Гораздо реже в центре исследований оказывались сами люди, которые первыми пытались сформулировать подобные вопросы и найти на них достойные ответы. Между тем чрезвычайно важно понять, кто они такие, что заставило их взяться за перо, какое влияние оказали их размышления на последующие поколения мыслящей «элиты» древнерусского общества.

Конечно, здесь будет представлен далеко не полный список подобных писателей и их сочинений. В нашем распоряжении имеется лишь малая часть интеллектуального наследия древней Руси. По мнению специалистов, от домонгольского периода, скажем, до настоящего времени дошло не более нескольких долей процента всех написанных тогда книг. Уже это само по себе сужает возможности изучения ценностных ориентаций, неосознанных установок восприятия и стереотипов поведения древнерусского человека. Но даже те сохранившиеся «осколки» интеллектуальной жизни невозможно рассмотреть в полном объеме. Результаты усилий многих поколений историков и филологов освоить это наследие заняли бы не один том. Да и проследить все направления эволюции идей, зарождавшихся и развивавшихся тогда, было бы невероятно сложно. Поэтому мы попытаемся рассмотреть произведения лишь нескольких наиболее, на наш взгляд, интересных и важных древнерусских авторов, оставивших значительный след в формировании и развитии идей, волновавших образованных людей на Руси в XI–XVI веках. В их числе самые разные личности: это и церковные

иерархи (будущий первый митрополит-«русин» Иларион, владимирский епископ Серапион, старец Филофей), и безымянные первые монахи-летописцы, и рядовой новгородский клирик Кирик, и представители, так сказать, средних слоев общества (Даниил Заточник, тверской купец Афанасий, служилый человек Иван Пересветов), и князь Владимир Всеволодович Мономах. Основное внимание при этом будет обращено не только на их работы, но и на самих создателей текстов. Давайте попытаемся увидеть за их сочинениями живых людей, которых те или иные обстоятельства подвигли на то, чтобы оформить свои мысли в письменной форме. И для этого постараемся понять смысл, который они вкладывали в свои произведения, отказавшись, насколько это возможно, от стереотипов мышления современного человека.

Сделать это, однако, непросто. Часто полагают, будто древнерусских авторов волновали те же проблемы, что и наших современников. Из-за этого подчас бывает трудно уловить смысл написанного. К тому же советские ученые сплошь и рядом исходили из того, что люди XI–XVI веков думали так же, как и человек XX века. «Мне представляется, — писал, например, прекрасный знаток древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999), — что постановка вопроса об особом характере средневекового мышления вообще неправомерна: мышление у человека во все века было в целом тем же». Мало того, допущение, будто автор произведения того времени мог пользоваться иными, нежели современный исследователь,

понятиями, а его логика отличалась от логики нынешнего человека, якобы вообще закрывало возможность понять произведения прошлого. Так, Яков Соломонович Лурье (1921-1996), говоря о древнерусских авторах, писал: «их понятийный аппарат, судя по всем источникам, принципиально не отличался от нашего… Исследователь, который предполагал бы существование у людей прошлого „особого мышления“, в сущности закрыл бы для себя возможность понимания сочинений средневековых авторов: ведь сам такой исследователь живет в наше время». Соответственно, если в описаниях событий древнерусский автор видел непосредственное проявление высшего Промысла, это расценивалось исследователями лишь как дань традиции, но не особенность мышления. Из этого делался вывод, что «книжники» древней Руси «только внешне присоединяли свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу», и «религиозные воззрения, таким образом, не пронизывали собою всего <…> изложения» — в них просто «сказывался <…> средневековый „этикет“ писательского ремесла» (Д. С. Лихачев). Поэтому «отвлеченные построения христианской мысли», которые встречаются в древнерусских текстах, нельзя якобы использовать даже для изучения мировоззрения их создателей. При таком подходе довольно сложные и многоуровневые по смыслам тексты «приземлялись» и по большей части сводились к буквальным значениям написанного. Соответственно, к древнерусским авторам относились

как к людям, которые «просты умом», думают и понимают «по-детски». Поэтому их то и дело «поправляли», объясняя, где они «ошибались», что описывали «неверно», о чем повествовали «нелогично». Мысли, ими высказанные, «приспосабливались» к концептуальным построениям, взглядам и вкусам исследователя: в них сплошь и рядом «вчитывали» смыслы, о которых древнерусский автор и не подозревал; то, что подходило для доказательства мнения ученого, использовалось им в качестве иллюстрации, а то, что не соответствовало представлениям о том, «как должно было быть», не принималось во внимание.

Еще хуже дело обстоит, если древнерусские тексты начинает читать человек, не получивший специального филологического образования. Для него произведения литературы допетровской Руси представляются невероятно сложными и туманными. Для большинства наших соотечественников дело ограничивается знакомством с включенными в школьную программу несколькими адаптированными фрагментами из «Повести временных лет», Житием Сергия Радонежского или «Житием протопопа Аввакума, им самим написанным» (6–8-й классы), с которыми проблем не так много. Хуже, когда в 9-м классе дело доходит до «Слова о полку Игореве». Здесь у школьника, не отучившегося мыслить, может возникнуть слишком много вопросов. Если читать оригинальный текст — непонятны многие слова и образы, неясно, почему вдруг автор столько внимания уделяет каким-то совершенно незначительным деталям, да и о чем там вообще

идет речь? Текст этот представляет сложности не то что для подростков — для академиков, которые уже два с лишним столетия ведут споры по поводу правильной разбивки текста на слова, «темных мест» и общего смысла произведения. «Если оно действительно *гениально*, как говорят учителя, то что же тогда представляют собой другие, менее прославленные тексты?» — думает ученик. Если же читать современные переводы «Слова», то это будет уже не древнерусское произведение, а его восприятие тем или иным современным переводчиком... Во всяком случае, вряд ли после знакомства со «Словом» у многих ребят появится желание продолжать знакомство с древнерусской литературой...

Естественно, для того чтобы понять любое сообщение, пришедшее из прошлого, необходимо знать язык, на котором оно передается. Проблема эта не так проста, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего, нельзя быть уверенным, что лингвистам удалось зафиксировать *все* значения (с учетом временны́х изменений) *всех* слов, встречающихся в древнерусских источниках. Да и грамматика древнерусского языка существенно отличается от тех конструкций, к которым мы привыкли. Дело, однако, не ограничивается обилием непонятных слов и необычной грамматики. По словам выдающегося советского историка Льва Владимировича Черепнина (1905–1977), даже сделанный профессиональным филологом «дословный перевод для историка никогда не может быть самоцелью». Насколько точным бы

он ни был, — «это лишь одно из вспомогательных средств уяснения исторического смысла источника».

Тем не менее, понимая, что большинство читателей этой книги вряд ли свободно владеет древнерусским языком, основная масса цитат в тексте будет дана в переводе. Конечно, далеко не всегда такое изменение исходного текста будет идеальным. Однако любой читатель всегда может обратиться к оригиналу: для этого в конце каждого очерка даются основные публикации разбираемых древнерусских произведений — как в исходном виде, так и в классических переводах, подготовленных наиболее квалифицированными специалистами-филологами. В тех случаях, когда более легкие для понимания цитаты приводятся в оригинальном виде, они даются в облегченной транскрипции: буква ѣ заменяется современным *е*, і — современным *и*, ѧ — *я*, ъ в «сильной позиции» воспроизводится как *о*, а в «слабой позиции» не передается.

Однако понимание смысла древнерусских текстов, как только что было отмечено, не ограничивается буквальным переводом их на современный русский язык. Дело в том, что авторы XI–XVI веков использовали иные, нежели мы, способы осмысления реальности, то, что называется *языком культуры*. Для книжников того времени, скажем, было важно не столько описать, «как все было на самом деле», сколько понять сущность происходящего или происходившего когда-то — и пояснить это своим читателям, возможно, даже пожертвовав точностью

в передаче каких-то реальных деталей. Для этого они прибегали не к отвлеченным понятиям, к которым привыкли мы (*политика*, *экономика* и т. п.), а к ссылкам — прямым или скрытым для непосвященных — на авторитетные, с их точки зрения, тексты, каковыми тогда были, прежде всего, Священное Писание и апокрифы (неканонические рассказы о событиях священной истории). Соответственно, «церковная риторика», от которой советские исследователи стремились «очистить» изучаемые древнерусские тексты, выполняла у наших авторов чрезвычайно важную функцию: она позволяла дать понять читающему, какие сакральные события напоминает событие, которое описывается, и тем самым проявить его скрытый смысл, дать ему оценку и характеристику. Детали же описания вовсе не обязательно должны были соответствовать реальным подробностям. Они вполне могли произвольно дописываться, чтобы придать большее сходство с текстами, к которым автор отсылал читателя, и тем самым становиться своеобразным ключом к пониманию смысла происходившего. Для того чтобы это понять, необходимо было знать, что и почему в данном случае автор прямо или косвенно цитирует. Только тогда можно было добраться до смысла описания или характеристики событий и упоминаемых личностей.

Дополнительные сложности адекватного (насколько это вообще возможно) понимания древнерусских авторов связаны с тем, что на Руси не сложились богословские схоластические традиции. Здесь

«говорящее» интеллектуальное меньшинство не имело, скорее всего, образования, сопоставимого со средневековым университетским. Соответственно, традиция споров по фундаментальным вопросам в рамках ортодоксальной церкви отсутствовала. В лучшем случае порицались отдельные злоупотребления служителей церкви, расхождения по совершению тех или иных церковных обрядов, обсуждались способы личного спасения (иосифляне и нестяжатели) да вносились отдельные уточнения в канонические тексты (в частности, так называемая книжная справа XVII века). Какие-либо общественные движения, похожие на западноевропейские ереси* или Реформацию, здесь трудно было себе представить. Все сводилось, как правило, к «молчаливому богословию»: верующие стремились постичь божественное откровение «очами внутренними», путем «погружения» в верочитные тексты и канонические изображения, утвержденные авторитетом Отцов Церкви и закрепленные традицией. Поэтому древнерусские интеллектуалы во многом напоминают западноевропейское «молчаливое большинство». Как отмечал протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979), в рядах древнерусской церковной интеллигенции не было богословов, хотя они «были люди подлинной церковной культурности и культуры»:

* То, что в историографии принято называть древнерусскими ересями или еретическими течениями (стригольники, московско-псковская ересь и т. п.), судя по всему, существенно отличается от «классических» ересей как расхождений по *основополагающим вопросам* веры.

С изумлением переходит историк из возбужденной и часто многоглаголивой Византии на Русь, тихую и молчаливую. И недоумевает, что это. Молчит ли она и безмолвствует в некоем раздумьи, в потаенном богомыслии, или в косности и лени духовной, в мечтаниях и полусне?.. («Пути русского богословия»)

О мировосприятии древнерусских авторов и о том, что побуждало их создавать свои тексты, *о чем* (а не *что*) они писали, приходится лишь догадываться, довольствуясь чаще всего косвенными данными и едва ли не случайными «проговорками».

При этом в изучении древнерусских текстов возникает некоторый порочный круг: с одной стороны, понять как следует отдельные мысли и идеи, заложенные в них, можно лишь после уяснения общего смысла произведения, с другой — понять цель создания данного сочинения и его основную идею можно, только выяснив, *о чем*, собственно, говорит его автор в том или ином случае, — а в явной для нас форме он признаваться в этом чаще всего не хочет.

Поэтому в дальнейшем изложении часто будут приводиться цитаты из текстов, которые использовал либо на которые намекал автор рассматриваемого сочинения, чтобы прояснить основные идеи, которые тот высказывает. Это позволит не только лучше понять, *о чем* писал создатель текста, но и уловить основные тенденции в развитии интеллектуальных процессов того времени, вникнуть в их

суть — насколько это возможно для современного человека и насколько это в наших силах.

Кроме того, будет полезно попытаться проследить отголоски идей, высказывавшихся древнерусскими интеллектуалами, в работах и настроениях российских авторов XVIII–XX веков. Многие их мысли представляются порождением Нового и Новейшего времени, однако при более внимательном взгляде эти идеи оказываются продолжением и развитием того, что было написано задолго до того — еще в XI–XVI столетиях. Прежде всего, речь пойдет о заложенном тогда представлении, что Русь и государства, которые считали и продолжают считать себя ее «преемниками», являются богоизбранной землей, носительницей неких высших традиций, которая якобы единственная может — и должна! — спасти человечество.

Естественно, многое из того, что читатель найдет в этой книге, отражает авторские взгляды на историю идей как допетровской Руси, так и последующего времени. Они, конечно, могут быть скорректированы или оспорены.

Советы и замечания, высказанные первыми читателями и критиками рукописи этой книги, позволили сделать ее значительно лучше. За это приношу огромную благодарность Дмитрию Борисовичу Спорову, Энгельсине Саввишне Угрюмовой, Игорю Львовичу Андрееву, Маргарите Младеновой и Албене Стаменовой. Ответственность же за все промахи и ошибки, безусловно, лежит на авторе.